

УДК 39/81.246/316.344

ПРОБЛЕМАТИКА ПОВСЕДНЕВНОГО БИЛИНГВИЗМА ТВЕРСКИХ КАРЕЛОВ XX–XXI ВЕКА

О. М. Фишман

Российский этнографический музей

Статья посвящена описанию феномена карельско-русского бытового билингвизма как важной составляющей проблемы языкового/речевого полилингвизма. Трансформация его объективных и приоритетных субъективных факторов и признаков на протяжении XX–XXI вв. выявлена при анализе языкового и этноконфессионального самосознания, оценки и статуса родного и русского языков, речи как компонента социальной коммуникации конкретных локальных групп тверских карелов. Интерпретация опубликованных, архивных и авторских полевых материалов, собранных на протяжении 30 лет – с 1980-х по 2012 год, предпринята в исторической проекции с использованием методологических приемов этнологии, этнолингвистики, лингвокультурологии и социолингвистики.

К л ю ч е в ы е с л о в а: тверские карелы, карельско-русский повседневный билингвизм, проблематика, феномен, признаки, XX–XXI вв., полевые источники, архивы.

O. M. Fishman. SUBJECT MATTER OF EVERYDAY BILINGUALISM OF TVER KARELIANS IN THE 20TH–21ST CENTURIES

The paper describes the phenomenon of Karelian-Russian everyday bilingualism as a significant component of the language/speech polylingualism problem. The transformation of its objective and major subjective factors and traits over the 20th–21st centuries is revealed through analysis of the language- and ethno-confessional identity, evaluation and status of the native and the Russian languages, speech as a component of social communication of specific local groups of Tver Karelians. The interpretation of published, archival and the author's own field materials, collected over a period of 30 years – from the 1980s to 2012, was undertaken in a historical projection using the methodological techniques of ethnology, ethno-linguistics, linguistic culturology and sociolinguistics.

K e y w o r d s: Tver Karelians, Karelian-Russian everyday bilingualism, subject matter, phenomenon, features, 20th–21st cc., field sources, archives.

Длительный опыт изучения различных локальных групп карелов вне исторической родины (т. н. тихвинских и тверских) привел меня к убеждению, что в совокупности признаков этих сообществ первое место занимают самосознание и язык в широком понимании – речь / общение / коммуникация.

Именно в них аккумулируются как устойчивые, так и эволюционирующие этнокультурные показатели, одним из феноменов которых выступает языковой билингвизм: «Pagizemma kar'ialakši, a virt'ä lawlamma ven'ïäl'äkši» / «Говорим по-карельски, а песни поем по-русски».

В данной статье из всех известных у карельских переселенцев XVII в. типов билингвизма (повседневный, фольклорный, конфессиональный) остановлюсь на характеристике первого – бытового карельско-русского билингвизма.

Исследовательский дискурс

Прежде всего изложу те исходные теоретические положения, которые были ранее использованы мной и остаются базовыми в контексте заявленной темы. Это определение языка в лингвокультурологии – как объекта отражения и фиксации культуры [Хроленко, 2005. С. 58], а также с позиции этнолингвистики – для изучения с его помощью человеческого сознания, менталитета, бытового и обрядового поведения, мифологического творчества [Славянские древности..., 1995. С. 5; Толстой, 1995; Юдин, 1998. С. 408–411; Березович, 2000; Толстая, 2002. С. 1–9; Бартминский, 2005].

В основе одной из актуальных проблем современной этнолингвистики – моделирования картины мира или концептуальной модели мира, включающей в себя сумму знаний индивида и народа о внешнем мире [Герд, 1995; БТСС, 1999. С. 120, 304], – лежит переосмысление ряда постулатов теории «лингвистической относительности Сепира–Уорфа» [Сепир, 1993; Уорф, 1960]. О различиях в способах отражения и «сегментирования» действительности разными языками Э. Сепир писал: «Мир, в котором живут общественные образования, говорящие на разных языках, представляет собой различные миры, а не один и тот же мир с различными этикетками» [цит. по: Звегинцев, 1960; Василевич, 1988. С. 58]. (Библиография современных исследований приведена в ряде работ В. В. Красных, в том числе см. [Красных, 2002, С. 258–281]).

Прямое отношение к выбору поли- и междисциплинарного исследовательского дискурса наряду с вышеперечисленными методическими обоснованиями имеют и используемые в современных социолингвистических исследованиях. Прежде всего те из них, которые направлены на изучение билингвизма, жизнестости/вitalности языка, взаимосвязи языкового и этнического самосознания, речи как компонента социальной коммуникации, а также анализа внеязыковых ситуаций функционирования языка в различных общностях и группах.

Значительным интерпретационным потенциалом обладают опубликованные, архивные и авторские полевые материалы, собранные на протяжении 30 лет – с 1980-х по 2012 год у тверских карелов; в них содержатся данные

о языковом и этноконфессиональном самосознании; степени сохранности родного языка, оценке и статусе карельского и русского языков, уровне карельско-русского повседневного и фольклорного двуязычия, языке конфессиональной практики. Среди моих информантов преобладают люди двух возрастных когорт: родившиеся до революции 1917 г. и в 1920–1930-е годы, православные и старообрядцы в недалеком прошлом.

Внешние факторы билингвизма

Первоначально изложу внешние/объективные факторы и признаки, препятствовавшие и способствовавшие развитию билингвизма.

Полагаю, что массовое переселение карелов в Россию в XVII в. после Столбовского мира следует рассматривать: (1) как процесс так называемой этнической мобилизации, происходившей в конфликтных условиях религиозно-культурного и языкового противостояния, социально-экономической и государственно-правовой дискриминации; (2) как явление, отразившее высокий уровень этнической и вероисповедной «самости» карелов, а также этнополитическую идеологию конфессионального и государственного единства карелов с русскими. На переломе карельской истории – исходе с родины в XVII в. – язык стал главным выражением этнической и религиозной принадлежности переселенцев, их самоидентификация выстраивалась по схеме: «свой язык – свой народ – своя вера».

В результате поэтапного процесса миграции в Новгородские, Угличские, Бежецкие и Ярославские земли, растянувшейся на ряд десятилетий, возникали территориально разобщенные и нестабильные по численности и месту расселения карельские анклавы. Вместе с тем переписные и селитьбенные документы того времени свидетельствуют, что мигранты предпочитали селиться компактными семейно-родовыми и соседскими кланами, что типично для любого миграционного движения. Стоит подчеркнуть особый социально-правовой статус «корельских зарубежных выходцев», колонизировавших опустевшие и обезлюдившие государственные земли Бежецкого Верха: бесплатное наделение землей, получение денежных субсидий на приобретение строительного леса и сельскохозяйственного инвентаря, освобождение на 10 лет от уплаты государственных налогов, фактическое самоуправление путем создания специальных административных единиц на территориях плотного расселения (Чамеровская и Кесемская дворцовые волости). Все это способст-

вовало сложению собственных, в определенной мере замкнутых и самодостаточных социально- и этнокультурных миров, население которых длительное время не нуждалось в активном языковом общении с окружающими русскими. Расселение, отчасти регулируемое властью, шло и на монастырские вотчины, и в помещичьи владения. Со временем все карельские переселенцы оказывались насельниками конкретных административных и церковных единиц – волостей и приходов, в рамках которых и начиналось сложение новых локальных групп: козловской, рамешковской, весьегонской, вышневолоцкой и зубцовской (держанской). История каждой из них в XVIII–XIX вв. складывалась по-разному, о чем говорят сохраняющиеся и поныне этнолокальные особенности, диалектные и говорные отличия, конфессиональная неоднородность (православные, старообрядцы, баптисты, пашковцы и др.).

В числе известных внешних факторов формирования указанных локальных и микролокальных групп: демографические (численность, превышавшая карельское население на исторической родине, высокая плотность и компактность расселения), социально-экономические и этнокультурные (удаленность, а подчас и изолированность от массивов русских деревень и городских центров Тверского Верхневолжья и др.). Сыграло свою роль и насильственное переселение жителей небольших, в основном помещичьих карельских деревень в русскую среду и наоборот. Так, излагая свою родословную, Алексей Антонович Беляков (1901 г. р.), один из основоположников карельского литературного языка в 1930-е годы, редактор карельской газеты «Колхозоин Пуолех («За колхозы»», подчеркивает, что его дед по материнской линии был русским и «не знал ни слова по-карельски». По семейным рассказам, он был «переведен из Старицкого уезда в Козловскую волость Вышневолоцкого уезда, чтобы в некоторой степени обрусить карельское население деревни Бормино <...> Насколько была велика его роль в обрусении карелов, говорит то, что моя мать уже не знала русского языка. Если ей приходилось говорить по-русски, так коверкала она слова, что трудно было понять содержание ее речи. Не случайно и замуж вышла в карельскую деревню» [ГАТО, Р-1367, ед. хр. 76, л. 3]. Сходную ситуацию карелизации удалось записать от Марии Григорьевны Т., родившейся в 1904 г. в карельской деревне Большое Плоское Новоторжского у. В ее семье говорили по-карельски, «а вот бабушка отца была русской – вот такие парадоксы» [АРЭМ, ф. 1, ед. хр. 62, л. 10].

Вместе с тем подчеркнуты и другие обстоятельства. Именно в условиях миграции проявилась высокая адаптационная способность и хозяйственная активность переселенцев. Обживание новых мест и обустройство на них потребовали крайнего напряжения сил всего сообщества, что было возможно лишь при сохранении и усилении семейно-родовой и групповой сплоченности, соответствующих типов и форм отношений.

Безусловно, в этом отразился консерватизм крестьянского мышления, ориентированный на коллективный социальный опыт, поддержание системы традиционных этнокультурных и религиозных ценностей (крестьянский труд, земля, семья, община, взаимопомощь и вера).

Однако необходимость самосохранения актуализировалась и положением карелов как чужеземцев, сохранявших травмирующие воспоминания о прошлом, имевших за своими плечами негативный исторический опыт, усугубленный со временем ощущением этнического неравенства, что сказывалось в пренебрежительном отношении со стороны русских.

Таким образом, роль мигрантов способствовала обостренному восприятию собственных отличительных черт, формированию субъективного образа своего народа и его истории, четкого языкового и этнокультурного самосознания тверских карелов. Показателем его высокого уровня является самоназвание *kar'ialazet* = *карелы* – этноним, восходящий к раннесредневековой летописной кореле. Наряду с ним на новые земли было перенесено и синхронное ему название прародины – *Kar'iala* = Корела.

Длительной сохранности этнического идентитета и родного языка способствовало и преобладание эндогамных (внутрикарельских) браков. По рассказам матерей и бабушек наших информантов, браки карелов с русскими были редкостью и в начале XX в. (за исключением жителей помещичьих деревень, в которых еще в середине XIX в. помещик мог принудить к подобному браку своих крепостных).

Особенно строго запрет на межконфессиональные/межэтнические браки поддерживался в старообрядческих деревнях: «мирских брезговали» до конца 1920-х, а в некоторых общинах – в 1930-е годы и даже позднее. Русские женщины, вышедшие замуж в старообрядческие карельские деревни в 1921–1938 гг., вспоминали, что приходилось учить карельский язык. Елена Ивановна Т., 1920 г. р., русская из д. Застолбье Рамешковского р-на Тверской обл., рассказывала: «пришла в Корелу. Первое время со свекровью говорила через переводчика – мужа: быстро карельский восприняла» [АРЭМ, ф. 1, ед. хр. 62, л. 7 об.].

С середины XIX в. важными каналами освоения русского языка для мужской в основном части населения были отхожие промыслы (Тверь, города Тверской и соседних губерний Верхневолжья, Петербург, Москва) и служба в армии. Об этом пишет и автор многих книг по истории и культуре Тверской Карелии А. Н. Головкин: «До революции 1917 года русский язык в деревне Поцеп вообще не звучал. Русских жителей не было, между собой говорили по-карельски. Русские слова и предложения многие взрослые знали, особенно мужчины, которые ездили в Бежецк на рынок, а зимой работали на отходничестве в Петербурге» [Головкин, 2007. С. 41]. Этому вторят и оценочные соображения А. А. Белякова: «карелы всегда стремились овладеть русским языком. Это стремление вызывалось экономическими условиями, которые вынуждали карел искать за пределами карельского поселения заработки» [Беляков, 2001. С. 44, 45].

В фольклорных материалах Государственного архива Тверской области (ГАТО) под названием «Забыл карельский язык» приведен характерный местный анекдот. «Отслужил солдат службу, вернулся домой, забыл карельский язык и все говорил по-русски. Его спрашивают, а чем кормят в солдатах? – в солдатах не как дома, кормят мясом, “калой” (т. е. рыбой) – а крупная ли рыба? Да разная бывает, бывает по “вакше”, по “какши”, а иногда и по “шулу” (испр. шүлү) (т. е. по четверти, по 2 четв. и по сажени)» [ГАТО, ф. Р-1367, ед. хр. 30, л. 124].

А вот оценка местного краеведа начала XX в. «Солдаты во время пребывания на службе очень заметно развились. Некоторые из них совершенно изменили свой прошлый образ жизни. Начали хорошо говорить по-русски и даже сделались как бы своего рода местными ораторами, стали вводить новые развлечения, принесли с собой новые народные песни (см. песни солдат, которые подхватила и местная молодежь)» [ГАТО, ф. Р-625, ед. хр. 60, л. 44].

С этого же времени – с середины XIX в. – важным социальным фактором освоения карелами русского языка становится школа. Первая начальная школа была организована в 1840–1841 г. Министерством императорского двора и уделов в крупном карельском селе, волостном центре Толмачи (Бежецкий у.); через 24 года она стала земской. Наряду с ней в 1859 г. открылась еще и церковно-приходская школа, а в 1913 г. – земское двухклассное училище. В 1872 г. грамотных в Толмачевской волости было 266 чел., а в 1879 г. их насчитывалось уже 771 чел., из них 634 – мужчины и 137 – женщины. В «Тверских епархиальных ведомо-

стях» за 1901 г. читаем: «В Толмачах две школы. В обеих школах занимаются учительницы и ведут свое дело усердно, под наблюдением приходских священников, с ревностью и успехом занимающихся преподаванием Закона Божьего» (цит. по: [Иванова]). В этой школе преподавало немало учителей крестьянского происхождения, а также дочерей сельских священнослужителей, что в целом соответствовало сути земского движения по просвещению народа.

Среди таковых была и замечательная подвижница карельского языка Анастасия Толмачевская, родом из карельского села Никольское-Тучевское (ныне Никольское), создавшая и опубликовавшая в 1887 г. первый карельско-русский букварь «Родное карельское, со статьями для первоначального чтения и краткими карельско-русским и русско-карельским словарями». В предисловии она пишет: «я по опыту убедилась, что более легкое и успешное обучение русской грамоте карельских детей, а тем более научное и нравственное развитие их, весьма много зависит от знакомства с самым домашним бытом карел и от знания карельского языка учителями и учительницами» [Родное..., 1887. С. 1].

Далее Толмачевская подчеркивает, что, несмотря на усилия земства направлять в школы учителей, знающих карельский язык, отнюдь «не всегда контингент учителей и учительниц представляет к этому возможность». Современная тверская исследовательница Л. Г. Громова, специально, вслед за петрозаводскими лингвистами Г. Н. Макаровым [Макаров, 1963. С. 70–79] и В. Д. Ряговым [Рягоев, 2003. С. 170–176], изучающая первые письменные памятники на языке тверских карелов, дает точную оценку словарю А. Толмачевской и расценивает его как первое учебное пособие, поспособствовавшее в определенной степени «аккультурации тверских карел» [Громова, 2006. С. 29–39].

Впоследствии в толмачевской школе учились одна из основоположниц карельской письменности на латинице Александра Алексеевна Милорадова (Антонова) и известный лингвист Александра Васильевна Пунжина, автор многих публикаций, в том числе «Словаря карельского языка: тверские говоры» [1994], книги «Слушаю карельский говор» [2001] и др.

В рукописи карельского краеведа, учителя А. И. Лебедева приведены сведения об 11 различного типа школах, открытых с 1841 по 1887 гг. в карельских селах Новоторжского и Вышневолоцкого у. Тверской губ. [ГАТО, ф. Р-1523, оп. 1, ед. хр. 5, л. 59]. К 1915 г. только в шести приходах Бежецкого у. действовало

23 церковно-приходских и 97 земских школ, в которых обучались 6 804 ученика-карела. На начало XX в. во всех карельских волостях Тверской губ., по подсчетам А. Н. Головкина, действовало 57 церковно-приходских школ, 183 земских и 7 государственных министерских школ, в которых обучались более 14 тыс. карельских детей [Головкин, 2003. С. 177].

Об уровне владения тверскими карелами русским языком говорят данные, собиравшиеся в ходе Первой переписи населения 1897 г.: 37,1 % мужчин и около 6,7 % женщин [ГАТО, ф. 1367, ед. хр. 25, л. 121].

Итак, из приведенных сведений очевидно, что к началу XX в. в Тверской Карелии было открыто уже немало начальных сельских школ, но местные учителя столкнулись с большими трудностями в обучении карельских детей: они либо плохо знали, либо вообще не знали русский язык.

В качестве переводчиков и посредников между детьми и учителем зачастую выступали старшеклассники, что было рекомендовано, как известно, Министерством просвещения для т. н. инородческих школ [Илюха, 2007]. В этом отчасти отразились рекомендации известного педагога Н. И. Ильминского об использовании «переводного» метода. Однако применялся и другой – т. н. «натуральный» или «естественный» метод, запрещающий использование родной речи в общении между учениками, а также учителями и учениками. Об этом сохранилось немало воспоминаний самих тверских карелов. А. А. Беляков повествует на страницах своей автобиографии, что даже за разговор во время перемен на карельском языке полагался штраф – копейка или яичко. При этом, что интересно, в его школьных воспоминаниях (он пошел в земскую школу в 1908 г.) отсутствует отрицательная коннотация этого факта, а напротив – находится логичное объяснение: «чтобы учащиеся скорее усвоили русский язык».

В перечне книг, помогавших в изучении русского языка и литературы, Беляков называет: «Баранов. Добрые семена III часть, Тихомиров. Вешние воды, Ушинский. Детский мир <...> На уроках истории учительница нам (показывала. – О. Ф.) картинки из русской истории. Это были копии с картин известных художников <...> По русскому языку много писали сочинений по картинкам и учили наизусть басни Крылова и стихотворения русских поэтов. В каждую неделю обязательно учили одно стихотворение». Приведенный Беляковым список школьной литературы свидетельствует о заметном сдвиге в сторону светского начального образования.

О. П. Илюха, глубоко изучившая эти процессы на примере школьного образования в Карелии, связывает их с непосредственным последствием революции 1905–1907 гг. [Илюха, 2010]. Процесс демократизации привел и к критике религиозных знаний, преподававшихся в сельских школах. Неслучайно в этой связи мнение А. А. Белякова: «в карельских селениях церковно-приходские школы не имели большого значения. В этих школах главным образом учили читать Псалтырь, Часослов и молитвы. Практическое значение их было в том, что старые девы, усвоившие читать, читали по покойникам псалтырь» [ГАТО, ф. 1367, ед. хр. 25, л. 150–153].

Есть свидетельства того, что закончившие земские школы подростки достаточно успешно овладевали русским языком в устной и письменной формах и, продолжая использовать в повседневной практике (в семье, со сверстниками и односельчанами) карельский язык, тем не менее становились двуязычными, что определяло их новые социально-культурные роли в родной среде, расширяло возможности общения вне ее. Личный уровень билингвизма был, безусловно, различен. Активное же использование русского языка со временем могло привести и приводило к смешанному/двойному языковому, а впоследствии и этническому сознанию.

Но многие не могли посещать школу регулярно из-за постоянного участия в хозяйственной жизни семьи, а иные и не хотели, т. к. тех, кому русский давался с трудом, унижали их русские одноклассники.

Рождение карельской письменности

После революции 1917 г., в самом конце 1920-х гг. начался краткий, но весьма важный в деле заявленной советской властью политики «коренизации» период национально-языкового строительства. Целями коренизации были «подготовка, выдвижение и использование в национальных образованиях национальных кадров для работы в государственных и общественных органах, в хозяйственных и культурных учреждениях <...> развитие национальных языков, внедрение их в сферу деятельности государственного аппарата» [Кожемякина и др., 2006. С. 98].

Среди участников этого процесса в Тверской губ. с 1928 г. – уже известные А. А. Беляков, А. А. Милорадова и ряд других образованных карелов, которые при активной поддержке и содействии известных лингвистов, в первую очередь Д. В. Бубриха [Бубрих, 1931, 1932], приступили к созданию карельского литературного языка на основании толмачевского го-

вора. Нельзя не сказать, что в ходе этого процесса разыгрался т. н. языковой конфликт [Кожемякина и др., 2006. С. 39] между сторонниками латинской (А. А. Милорадова) и кириллической (А. А. Беляков) графической основы.

1 марта 1930 г. состоялось совещание по созданию карельской письменности, инициированное Комитетом по делам национальностей Наркомата просвещения СССР. Среди принятых постановлений отмечу следующие: «всю работу среди карел в Московской области поставить на карельском языке, <...> организовать разработку карельской письменности на латинской основе и приступить к обеспечению учебными пособиями на карельском языке школ 1 ступени и ликпунктов» [Головкин, 2003. С. 88–96; 2005. С. 32]. За короткий период было издано около сотни необходимых учебных пособий, организовано издание периодической печати, проведены курсы карельского литературного языка для учителей. Подготовка педагогов началась в стенах специально созданного в Лихославле педучилища.

В 1935/36 учебном году карельский язык преподавался в 181 школе на территории 12 районов Калининской обл. В них обучалось 13 914 учеников-карелов.

Самая серьезная проблема заключалась в том, что после обучения в первых двух классах на карельском языке с третьего класса оно осуществлялось уже на русском, и «на уроках карельские дети говорили на смешанном языке, в русскую речь то и дело вставляли карельские слова». Одна из информантов, Серафима Дмитриевна К., русская, 1921 г. р., вышедшая замуж за карела, помнила, что в 1935–1937 гг. в деревне Затулки (совр. Новоторжский р-н) была карельская школа, в которой учительствовал Гуглин и его дочь Аракчеева. С ее слов, Ефрем Ефремович Гуглин получил образование в Лихославле, был репрессирован – сослан в Читу. Серафима Дмитриевна впоследствии работала уже в русской школе этой деревни и рассказывала, что «карельские дети приходили, не зная русского языка, с ними работали через переводчиков – родителей. Они отличались большей дисциплинированностью по сравнению с русскими детьми» [АРЭМ, ф. 1, ед. хр. 62, л. 7].

Письменный карельский язык на латинице просуществовал на территории Калининской области чуть более 6 лет: с февраля 1931 по сентябрь 1937 г. [Головкин, 2008. С. 117]. За это время сложились реальные условия для обучения в школах на родном языке и его дальнейшего развития как литературного и публицистического. Елизавета Александровна Н., 1918 г. р. (совр. Новоторжский р-н, с. Баранов-

ка), в 1993 г. рассказывала, что в ее семье говорили по-русски, т. к. отец был русским, а мать карелкой. Она «научилась говорить на карельском языке в школе; учитель был “заядлый карел” Александров, известный в те времена переводчик на карельский язык учебной и художественной литературы» [АРЭМ, ф. 1, ед. хр. 62, л. 26].

Лихославльское педучилище за три года подготовило около 200 учителей, в Калининском пединституте была создана кафедра кареловедения. Постановление Президиума ВЦИК СССР о переводе письменности на русский алфавит означало окончание политики коренизации, а на практике привело к ликвидации письменного карельского языка.

Парадоксально, но факт: это постановление было принято спустя всего лишь два месяца после другого – об организации в составе Калининской области Карельского национального округа, которому была уготована короткая, 19-месячная (с 9 июля 1937 г. по 25 февраля 1939 г.), и трагическая история. По сфабрикованному т. н. «Карельскому делу» было арестовано 139 карелов: учителей, редакторов карельских изданий, авторов учебной литературы, глав райисполкомов, сотрудников окружных отделов народного образования. В их числе А. А. Беляков, А. А. Милорадова, Е. Е. Гуглин, редактор карельского сектора Учпедгиза Е. И. Дудкина и многие другие [Карельское «дело»..., 1991. С. 13–16].

Представителей карельской интеллигенции обвиняли в том, что они «насаждали вражду между карельским и русским населением, создавали пропасть между карелами и русскими, тормозили развитие национальной по форме, социалистической по содержанию культуры, навязывали карелам финский язык, тормозили развитие русской культуры, изучение русского языка в карельских школах» [Возвращение..., 1995. С. 65].

А. А. Беляков в большой работе «Верхневолжские карелы: этнографический очерк» (1981 г.) с горечью констатирует, что после ликвидации в 1939 г. Национального округа «все карельские учебники и др. литература были признаны антисоветскими и ликвидированы. Ликвидировали и карельские хоры. Отменено обучение на карельском языке в младших классах. Создавалось такое мнение, будто карелы являются контрреволюционерами. Газеты перестали писать о карелах. В районных центрах ответственные работники были заменены русскими. Такой результат культ личности в отношении карельского населения» [ГАТО, ф. Р-1367, ед. хр. 29, л. 32].

При всей чрезвычайно кратковременной истории существования карельского литературного/письменного языка и Карельского национального округа весьма впечатляют итоги, свидетельствующие о значительном интеллектуальном потенциале молодой карельской интеллигенции, осознанном служении своей малой родине и определенной готовности сельского населения к восприятию нового. Властный, эпизодический заказ на коренизацию во многом поспособствовал укреплению этнического самосознания тверских карелов.

Современное состояние карельско-русского повседневного билингвизма

Вплоть до 1960-х, а у отдельных групп тверских карелов и до конца 1980-х годов родной язык – *kar'ialan'e kiel'i* продолжал выполнять разделительную функцию в понятии «свой-чужой», осуществлял также внутреннюю регулятивную и коммуникативную роль. В 2012 г. учительница школы в с. Чамерово поделилась своими воспоминаниями 1962 г. о работе в небольшой соседней деревне: «такое впечатление, будто я попала в другую страну. В магазине по-карельски, в школе дети на перемене по-карельски, вся школа по-карельски говорит» [Аудиозаписи..., 2012].

Отчасти и сегодня карельский язык сохраняет свои позиции как язык семейно-бытового общения, некоторые в старости предпочитают говорить только на родном языке, так как, освоив русский во взрослом состоянии, забывают его в старческом возрасте. В определенных случаях карельский язык, отдельные слова и выражения используются как некий условный «тайный» язык, когда, находясь среди «чужих» – русских, карелы не хотят быть понятыми. Об иной ситуации поведала информант, мать которой, карелка, вышла замуж за русского и говорила по-карельски со своими снохами только наедине [АРЭМ, ф. 1, ед. хр. 62, л. 26].

Но в целом в настоящее время все тверские карелы не просто билингвы, преобладающая их часть пользуется в повседневной практике исключительно русским языком. Степень владения им различна в отдельных социо- и половозрастных, а также локальных группах, что постепенно приводит к состоянию т. н. пульсирующей этнической самоидентификации или же биэтнической (в зависимости от конкретных обстоятельств, мотивов и целей общения) [Кожмякина и др., 2006. С. 30. http://www.ilingran.ru/library/sociolingva/slovar/sociolinguistics_dictionary.pdf].

Примером тому является картина реальной речевой коммуникации у весьегонских, вышневолоцких, а также козловских и рамешковских карелов в зоне пограничья с русскими. Так, в 1982 г., со слов пожилой, 1894 г. р., карелки из деревни Бухолово Вышневолоцкого р-на, все ее трое взрослых детей – «русские, а мы с дедкой (мужем) когда по-карельски, когда по-русски. Уж и я теперь по-карельски не знаю, старшие помершие» [ПМА, 1982 г. Тет. 2, л. 27 об.].

В качестве иллюстрации причин происходивших процессов остановлюсь более подробно на истории весьегонских карелов, языковая = этническая ассимиляция которых, скорее всего, находится на завершающей стадии.

По данным переписи 1926 г., их численность составляла «по народности» 22 243 чел.; по родному языку – 21 227 чел., что соответствовало 14 % от всего населения Весьегонского уезда. Наряду с чисто карельскими деревнями были смешанные русско-карельские и исключительно русские деревни.

Этническая карта Весьегонского края претерпела серьезные изменения в связи со строительством Рыбинского водохранилища. С 1935 г. из зоны затопления было переселено на новые места 130 000 чел. – жителей 663 русских селений и города Мологи; значительная их часть поселилась в Весьегонском крае. На 1989 г. в Весьегонском р-не было учтено всего 240 карелов. Согласно полевой информации 1984 г., родным языком владело еще все старшее поколение, но спустя 27 лет, в 2011–2012 годах – единицы. Преобладающими являются смешанные браки.

Приведу отрывки из беседы 2011 г. с Зинаидой Ивановной М., 1949 г. р.: «Я по паспорту карелка. Отец чистокровный карел, а мать была русская <...> Он из Костиндора. Родители его жили там, мои бабушка с дедушкой. Вот они тоже были карелы чистокровные, они вот с отцом разговаривали (по-карельски. – О. Ф.) <...> Мама с Суково <...> и она в паспорте, в метриках, как в свидетельстве моем о рождении <...> мама писалась карелкой. Я говорю: мама, почему ты написалась карелкой? Она: папа записался карел, так и я карелка. <...> у нас в семье разговаривали на русском языке» [Аудиозаписи, 2011].

Рассказывает Рада Николаевна Н., 1951 г. р., до выхода на пенсию преподаватель русского языка Горьковского университета. «Я родилась здесь, в Медведково (ныне опустевшая карельская деревня вблизи села Чамерово. – О. Ф.), и жила здесь до школы. Родители уехали, наверное, в 1953 или 1954 году.<...> Вы понимаете, как ... бабушка говорила практически

только по-карельски. Она с мамой говорила по-карельски, со всеми детьми только по-карельски. Мы, внучата, когда они разговаривали, понимали, о чем они говорят, но разговаривать мы уже не разговаривали. Вот эта культура карельская, она уже не прививалась и язык тоже. А взрослые разговаривали все только по-карельски, постоянно и вся деревня. И даже замоложские (русские переселенцы из зоны затопления Мологи. – О. Ф.), которые приехали, они и то со временем понимали карельский язык, но разговаривать не разговаривали» [Аудиозаписи, 2011]. Отмечу, что встречалась и несколько иная информация о русских переселенцах, хорошо владевших разговорным карельским языком.

Свидетельства Рады Николаевны Н. можно расценивать как подтверждение того, что с 1960-х годов у весьегонских карелов наблюдается возрастная дифференциация говорящих на родном языке, у многих детей это уже пассивное владение карельским.

Восприятие своего языка носителями

Еще в конце XX в. у карелов существовала поговорка: «С карельским языком можно дойти только до Осташкова» (так называлась ж/д станция Лихославль. – О. Ф.).

Фактически все опрошенные за многие годы информанты утверждали: «Карельский говор легче русского». Этот тезис прозвучал и в беседе с 95-летней Надеждой Васильевной Л., прекрасно владеющей русским разговорным, фольклорным и конфессиональным языками: «Легко, хорошо по-карельски. Тот язык гораздо легче», а на мое предположение «Потому что родной?» последовал ответ: «Меньше в нем слов, гораздо меньше» [Аудиозаписи, 2011].

Пожилые карелки объясняли свой переход на русский бытовой язык отсутствием карельской коммуникативной среды. Своя социального свойства логика присутствовала и при попытке разобраться в том, почему так просто и на первый взгляд безболезненно произошел отказ от родного языка. В колхозные годы «жили за палочку/за трудодни» – тяжелая повседневность, обыденный прагматизм не оставляли времени для пространственных рассуждений, исключали необходимость этнической рефлексии. Именно так в 2011 г. описала происходившее в сознании своих родных и односельчан образованная и думающая Рада Николаевна Н.: «А потом, они уже были втянуты вот в эти во все вот проблемы, эти палочки, налоги: яйца носили, молоко носили, мясо носили. Им как-то не до этого было. Им надо было вот

это все сдать государству. <...> Да еще и себе оставить, чтобы прокормить всех. Этими разговорами вот, заботами жила вся деревня» [Аудиозаписи, 2011].

Жизнеспособность карельского языка, как языка с неполным набором общественных функций, была обречена на двуязычие. Важным при этом фактором являлось неограниченное употребление русских заимствований, характерное для собственно карельского языка тверских карелов (как и тихвинских карелов), сложившееся в ходе длительных ассимиляционных процессов [Рягоев, 1977. С. 222].

В итоге к концу XX в. преобладающим у весьегонских карелов стало двойное или смешанное языковое и этническое русско-карельское самосознание, которое, по наблюдениям социолингвистов, наиболее благоприятно для этнического меньшинства в иноэтническом сообществе.

Формулировка биэтнической идентичности была обнаружена в ходе беседы с мужчиной 1934 г. р. Первоначально информант утверждал, что является русским, хотя по паспортным данным – карел; после уточняющих вопросов о родителях, семейном языке общения согласился с тем, что он «кореляк», но «русский кореляк» [Аудиозаписи, 2011].

Из всех известных типов этнолингвистической идентичности у весьегонских карелов сохраняются индивидуальная, возрастная, отчасти культурная (в категориях памяти), а преобладающими формами группового самосознания стали локальная – жители Весьегонского края и монолингвистическая – русская.

В заключение обозначу перспективы изучения феномена карельского полилингвизма, своеобразия которого заключается, как было отмечено во вступительной части статьи, в сочетании карельско-русского/русско-карельского повседневного и фольклорного билингвизма с конфессиональным церковно-славянским и карельским двуязычием.

Церковно-славянские слова и понятия органично вошли в карельский язык (как, собственно, и в языки других православных финно-угорских народов севера европейской России) ввиду наличия так называемых лакун – отсутствия в собственном языке аналогичной по культурному смыслу лексики. Особенность конфессионального двуязычия заключается в том, что для большинства верующих знание молитв, богослужебных текстов, норм произношения при чтении и пении накладывалось на незнание или непонимание/недопонимание богослужебного языка, неумение читать: «Многие знали молитвы наизусть, с детства».

Одним из способов овладения «славянским» языком наряду с богослужебной практикой стало усвоение русских духовных стихов. Они активно бытовали в устной и письменной формах еще в 1980-е годы, но и ныне исполняются при домашнем отпевании усопших. Рукописные сборники с духовными стихами позднего происхождения бережно хранятся у некоторых пожилых карелок в составе их личных библиотек наряду с Псалтырями, Канонами, Акафистами и другой богослужебной, четьей и житийной литературой.

Источники и литература

Аудиозаписи 2011 г. Тверская обл., Весьегонский р-н.

Аудиозаписи 2012 г. Тверская обл., Весьегонский р-н.

Бартминьский Е. Чем занимается этнолингвистика? // Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. С. 22–32.

Бартминьский Е. Некоторые спорные проблемы этнолингвистики // Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. С. 33–38.

Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург: УрГУ, 2000. 390 с.

Беляков А. А. Очерки истории верхневолжских карел // Гос. архив Тверской обл. Ф. Р-1367. Ед. хр. 25. Л. 150–153 (в тексте – ГАТО).

Беляков А. А. Верхневолжские карелы: этнографический очерк. (1981 г.) // ГАТО. Ф. Р-1367. Ед. хр. 29. Л. 14–22, 32 (в тексте – ГАТО).

Беляков А. А. Фольклор верхневолжских карел. Заговоры верхневолжских карел. Тверь. 1982 // ГАТО. Ф. Р-1367. Ед. хр. 30. Л. 124 (в тексте – ГАТО).

Беляков А. А. Эпизоды жизни. Воспоминания // ГАТО. Ф. Р-1367. Ед. хр. 76. Л. 3 (в тексте – ГАТО).

Беляков А. А. История и быт карельского населения // Тверская деревня: Энциклопедия. Т. 1. Лихославльский район. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. С. 39–79.

Большой толковый социологический словарь / Дэвид Джерри, Джулия Джерри. Т. 1. М.: Вече АСТ, 1999. 544 с. (в тексте – БТСС).

Бубрих Д. В. Какой язык – тверским карелам? Л.: ЛОИКФУН, 1931. 8 с.

Бубрих Д. В. Карелы и карельский язык. М.: Изд-во Мособлисполкома, 1932. 32 с.

Василевич А. П. Язык и культура: сопоставительный анализ группы слов-цветообозначений // Этнопсихоллингвистика / Под. ред. Ю. А. Сорокина. М.: Наука, 1988. 192 с.

Возвращение к правде (Из истории политических репрессий в Тверском крае в 20–40-е и начале 50-х годов): Док. и материалы / Отв. сост. В. А. Смирнов, В. В. Феоктистов. Тверь: Твер. обл. кн.-журнал. изд-во, 1995. 120 с.

Герд А. С. Введение в этнолингвистику. СПб.: С.-Петербург. ун-т, 1995. 278 с.

Головкин А. Н. Карелы: от язычества к православию. Тверь, Студия-С, 2003. 176 с.

Головкин А. Н. В краю двух культур. Ржев: Филиал ГУПТО «ТОТ» Ржев. тип., 2005. 240 с.

Головкин А. Н. Деревенские легенды. Русский язык в карельской деревне // Мы отсюда родом. Тверь: Студия-С, 2007. 176 с.

Головкин А. Н. История Тверской Карелии. Карелы: от язычества к православию. Тверь: Студия-С, 2008. 432 с.

Громова Л. Г. Тверские печатные памятники карельской письменности 19 столетия // Folia Uralica. Debreceniensia 13. Debrecen. 2006. С. 29–39. URL: <http://sm.znaimo.com.ua/docs/893/index-519898-4.html> (дата обращения: 05.01.2014).

Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М.: Просвещение, 1960. 332 с.

Иванова О. П. История МОУ «Толмачевская средняя общеобразовательная школа» // URL: <http://yandex.ru/click/jsredir?from> (дата обращения: 19.01.2014)

Илюха О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX–XX века. СПб.: Дм. Буланин. 2007. 304 с.

Илюха О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX–XX вв.: модернизация и этнокультурная традиция: автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2010. 46 с.

Карельское «дело»: Дело о так называемой «Карельской буржуазно-националистической, террористической, контрреволюционной организации» / Авт.-сост. В. Виноградов. Тверь: Твер. гос. объединение Ист.-архитектур. и лит. музеев. 1991. 39 с.

Кожемякина В. А., Колесник Н. Г., Крючкова Т. Б. и др. Словарь социоллингвистических терминов / Отв. ред. В. Ю. Михальченко. М.: Инст. языкознания РАН, 2006. 312 с.

Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 477 с.

Лебедев А. И. Тверская Карелия. Рукопись. 1980–1984 // ГАТО. Ф. Р-1523. Ед. хр. 5. Л. 59.

Макаров Г. Н. О переводном памятнике карельского языка 20-х годов прошлого века // Труды Карел. филиала АН СССР. Вып. XXXIX. Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы грамматики и лексикологии. М.; Л., 1963. С. 70–79.

Материалы Бежецкого научного общества по изучению местного края; справки по краеведению; тезисы научных сообщений; переписка. 1920–28 гг. // ГАТО. Ф. Р-625. Ед. хр. 60. Л. 44 (в тексте – ГАТО).

Материалы Бежецкого научного общества по изучению местного края; справки по краеведению; тезисы научных сообщений; переписка. 1920–28 гг. // ГАТО. Ф. Р-625. Ед. хр. 76. Л. 3 (в тексте – ГАТО).

Полевые записи 1993 г. Тверская обл., Новоторжский р-н // Архив Российского этнографического музея. Ф. 1. Ед. хр. 62. Л. 7, 7 об., 10, 26 (в тексте – АРЭМ).

Полевые материалы автора, Калининская обл., Вышневолоцкий р-н. 1982 г. Тет. 2. Л. 27 об. (в тексте – ПМА).

Родное карельское, со статьями для первоначального чтения и краткими карельско-русским и русско-карельским словарями / Сост. учительница Анастасия Толмачевская. М.: Тверское губ. земство. 1887. 66 с.

Рягов В. Д. Тихвинский говор карельского языка. Л.: Наука, 1977. 357 с.

Рягов В. Д. Начин перевода Евангелия от Матфея на «олонецкое наречие» карельского языка // Прибалтийско-финское языкознание: Сб. стат., посвящ. 80-летию Г. М. Керта. Петрозаводск, 2003. С. 170–176.

Сепир Э. Положение лингвистики как науки // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М.: Просвещение, 1960, С. 21–34.

Сепир Э. Язык и культура // Избр. труды по языкознанию и культурологии / Пер. с англ. под ред. и с предисл. А. Е. Кибрика. М.: Прогресс, 1993. 656 с.

Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. Том. 1. А–Г. М.: Ин-т славяноведения РАН, 1995. 488 с.

Словарь карельского языка: тверские говоры / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск: Карелия, 1994. 396 с.

Слушаю карельский говор. Образцы речи держанских и валдайских карел / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск: Периодика, 2001. 208 с.

Толстая С. М. Московская школа этнолингвистики // Opera Slavica. Slavistické rozhledy [Brno], 2002. Roč. XII. Číslo 2. S. 1–9.

Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 512 с.

Толстой Н. И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // Толстой Н. И. Язык и народная культура М.: Индрик, 1995. С. 27–40.

Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М.: Просвещение, 1960. 496 с. С. 255–285.

Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии: Учеб. пособие / Под ред. В. Д. Бондалетова. М.: Флинта, Наука, 2005. 181 с.

Юдин А. В. Этнолингвистика // Культурология. XX век. Энцикл. в 2 т. / Гл. ред., сост. и автор проекта С. Я. Левит. СПб.: Ун-т. кн., 1998. С. 408–411.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Фишман Ольга Михайловна

д. и. н., зав. отделом этнографии
Северо-Запада и Прибалтики
Российский этнографический музей
ул. Инженерная, 4/1, Санкт-Петербург, Россия, 191186
эл. почта: olga_fishman@mail.ru
тел.: (812) 5705807

Fishman, Olga

Russian Ethnography Museum
4/1 Inzhenernaya St., 191186 St. Petersburg, Russia
e-mail: olga_fishman@mail.ru
tel.: (812) 5705807